

©1993 г..

П.А. СОРОКИН

**ОБЩИЕ ЧЕРТЫ И РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ РОССИЕЙ И США.
ИЗ ИСТОРИИ РАЗВИТИЯ МЕЖНАЦИОНАЛЬНЫХ
ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ
(ФРАГМЕНТЫ ИЗ КНИГИ «РОССИЯ И
СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ», 1944)***

Глава 2

Благоприятные факторы: социально-культурные сходства

1. Роль социально-культурных сходств в вопросе о войне и мире

«Но, — можно возразить, — как насчет культурных ценностей и социальных институтов двух стран? Как насчет умственного склада и психологии их народов? Разве они не весьма различны? Разве они не носят взаимно антагонистический характер, и разве этот антагонизм не существовал еще задолго до российской революции? Какой можно найти общий знаменатель между дореволюционным царским самодержавием и американской демократией; между коммунистической диктатурой и американским республиканским режимом; между воинствующим атеизмом и свободной религией; между неграмотным крестьянством дореволюционной России и сравнительно просвещенными народными массами Америки; между мистической русской "славянской душой" и реалистическим, прагматическим американским складом ума; между исключительной эмоциональностью и печалью русской души и взвешенным оптимизмом американской психологии? С психологической, культурной и социальной точек зрения, Россия и Соединенные Штаты находятся на противоположных полюсах. Поскольку социально-культурные и психологические интересы или ценности являются в то же время и жизненно важными ценностями, они, конечно, сталкивались друг с другом. Следовательно, либо Ваш анализ причин вышеупомянутого нерушимого мира между двумя странами необоснован, либо социально-культурные ценности, по Вашему мнению, не являются жизненными интересами, — тезис, который вряд ли можно принять.»

На первый взгляд, это возражение кажется и весомым, и убедительным. Да, в психологическом и социально-культурном плане эти две страны действительно во многом отличаются. Но во многих отношениях различаются также и поведение и нравы, уровень жизни, вкусы, образование, религия и психология различных групп, населяющих один и тот же город или два графства одного государства. Дело в том, что мы должны проводить различие между простым расхождением в духовных, культурных и социальных ценностях каких-либо двух групп и *непримиримым антагонизмом* между этими ценностями. В этой стране граждане имеют разный род занятий, принадлежат к различным политическим партиям, религиозным вероисповедованиям; проявляют различные умственные способности; имеют различный уровень образования и ведут себя по-разному, имея различный образ жизни. Однако эти различия не ведут к вооруженному конфликту. Причина заключается в том, что они совместимы, то есть могут существовать бок о бок без каких бы то ни было

* Выдержки из книги: Sorokin P. Russia and the United States, 1944.

серьезных коллизий. Аналогично какие-либо две нации могут проявлять многие психологические и социально-культурные различия, которые вполне совместимы друг с другом. Даже если бы системы психологических и социально-культурных ценностей Америки и России были исключительно разнообразными, это не обязательно делало бы их непримиримыми в отношении друг к другу и, следовательно, не обязательно вело бы к войне.

Во-вторых, предлагаемое фундаментальное расхождение между духовными, культурными и социальными ценностями этих двух стран до сих пор сильно преувеличивали. *Фактически Соединенные Штаты и Россия проявляют существенное сходство в ряде важных психологических, культурных и социальных ценностей.* Эти сходства полностью уравнивают различия. Поэтому они до сих пор функционировали и функционируют как благоприятные факторы в истории нерушимого мира между странами, о которых идет речь.

Простое социальное, культурное и психологическое родство недостаточно для обеспечения мира между двумя странами, как это видно на примере истории отношений между Америкой и Англией. По этой причине многие современные планы постоянного мира обречены на провал, так как предполагаемый «союз» или «альянс» основан на простой психо-социальной и культурной близости. Тем не менее, *при отсутствии столкновения между жизненными интересами двух стран такая близость действительно склонна способствовать миру, как в случае отношения между Россией и Америкой.*

Рассмотрим несколько черт, которые являются для них общими. Подобный анализ покажет исключительную односторонность господствующего мнения, согласно которому выискивают различные важные характеристики русского общества, культуры и психологии, не свойственные иностранцам.

2. Обе страны — это огромные континенты

В геополитическом, психологическом и социально-культурном отношении этот фактор весьма важен. Обе страны сами по себе фактически являются континентами. Они обе имеют огромные залежи полезных ископаемых, которые способствуют их экономической независимости. Обе страны обладают широким разнообразием флоры и фауны, климатическими и географическими условиями, — от Арктики до полутропиков, от высокогорного ландшафта до прерий и равнинных районов. Так как совокупность географических, климатических и геополитических условий влияет на склад ума, культуру и социальную организацию жителей, то континентальный характер двух стран способствует их существенному сходству. Это навязывает обеим странам — будь то хорошо или плохо — *роль великой Державы.* Эта роль, в свою очередь, привносит десятки экономических, политических, духовных социально-культурных функций, заложенных в природе великой державы. В национальном и международном плане характер великой державы должен коренным образом отличаться от природы малого государства. Ни одно изменение в международной жизни не может происходить без участия такой державы. Нельзя допускать мысли о «вечном нейтралитете» (какой бывает у некоторых малых государств). Великая держава должна окружить себя «государствами-сателлитами» и «сферами влияния», для того, чтобы обеспечить свою безопасность, и должна быть отделена «буферными государствами» от других великих держав. Она не может быть не «империалистической» (в хорошем или плохом смысле слова). Если только она не защищена широкими океанами (как были защищены Соединенные Штаты до недавних пор), она должна иметь сильное правительство, армию чиновников и бюрократов, могучую военную силу, культ «великой империи» и т.п.

Психологически этот континентальный характер способствует широкому умственному кругозору, большим перспективам, свободе от узко педантичного склада ума, от бережливой политики в экономической, политической и социально-культурной сферах, так распространенной среди малых государств.

В социальном и культурном отношении эта черта делает невозможными крупные предприятия из-за отсутствия необходимых ресурсов у малых наций, а именно: делает невозможными огромные экономические корпорации и другие организации, смелые политические действия, попытки создать передовые культурные центры и т.д. Когда какая-либо страна является державой, она стремится к превосходству в литературе и драматургии, музыке и изобразительном искусстве, философии и религии, юриспруденции, экономике, науке и технике. Она претендует на то, чтобы иметь самые крупные и самые великолепные города, самый блестящий дворец и самое блестящее общество, лучшие университеты, самые прекрасные соборы и музеи и т.п. Если ее величие заключено только в территориальном или военном превосходстве и, более того, носит кратковременный характер, ей иногда не удается достичь этих целей. Однако в большинстве случаев они осуществляются, по крайней мере, в нескольких областях культурного творчества, как, например, в Египте во время правления двенадцатой, восемнадцатой и девятнадцатой династий; в Ассирии в зените ее власти; в Китае Танского периода и при других выдающихся династиях; в империях Тунгов и Маурьи в Индии; а в могущественных империях Аравии; а также во времена правления Перикла, Александра, Августа, королевы Елизаветы и королевы Анны, Людовика XIV, Петра Великого и Екатерины Великой, а также в Соединенных Штатах (с конца девятнадцатого века).

В этих отношениях, как отмечалось, роль крупных континентальных держав резко контрастирует с ролью малых стран, которые просто не имеют в своем распоряжении необходимых природных и экономических ресурсов, достаточной рабочей силы или соответствующего творческого гения. Они не могут позволить себе быть беспечными, должны тщательно планировать свои духовные, культурные и социальные затраты, должны проводить осторожную, воздержанную, расчетливую, если не сказать, бережливую, «буржуазную» политику, презираемую такими громадными континентальными державами, как, например, Россия и Соединенные Штаты.

3. Относительно мирная экспансия двух стран

Другое важное сходство — это сравнительно мирное разрастание обеих стран до их континентальных размеров. В отличие от многих прошлых и настоящих империй экспансия в обоих случаях достигалась не столько посредством военной силы, сколько путем добровольного подчинения нерусских племен и народов и путем мирного проникновения первопродцов — преимущественно крестьян и фермеров, исследователей, торговцев и миссионеров. Создание обеих империй происходило сравнительно мирно: было пролито сравнительно мало крови, было сравнительно мало принуждения и жестокости. В отношении Соединенных Штатов этот факт хорошо известен и не требует доказательств. В том же, что касается России, это гораздо менее широко известно за границей. В действительности перерастание незначительного государства Московии (занимавшего в четырнадцатом веке всего пятьсот квадратных миль) в практически крупнейшую из всех существующих в настоящее время континентальных империй в мире и особенно ее экспансия на восток, до Днепра и за его пределы, до Черного моря и Кавказа, а затем в Азию (за линию Волги) до Ирана и Афганистана, Китая и Тихого океана, — этот рост происходил преимущественно за счет мирного проникновения русских крестьян, исследователей, торговцев и миссионеров, а отчасти благодаря добровольному подчинению России многочисленных племен и народностей. Только в незначительной степени эта экспансия была достигнута путем военного завоевания.

Эта экспансия — замечательное явление с многих точек зрения, и, как таковое, оно заслуживает дополнительных комментариев. Она свидетельствует, что русская нация является поистине строителем великой империи, ибо она была создана не только в исключительно неблагоприятных условиях, когда приходилось преодолевать нечеловеческие трудности, но и с минимальной жестокостью, порабощением или истреблением по отношению к покоренным группам.

Она началась при беспощадном двухсотлетнем татарском господстве над Московией и другими княжествами. Борьба за освобождение казалась безнадежной. Тем не менее она неустанно велась в одиночку, без помощи каких бы то ни было других христианских или не-христианских народов. Христиане, как например, поляки, литовцы, ливонцы и шведы, а также генуэзцы и другие европейские наемники часто нападали на русские княжества, грабили их и в решающие моменты в действительности даже поставляли военную помощь их татарским угнетателям. Так, например, в армию татарского хана Мамая, который стремился разгромить Московию раз и навсегда в качестве наказания за ее восстановление, входил ряд «западных христианских наемников», которые вступили в бой с армией великого московского князя Дмитрия Донского в битве под Куликово (1380). Более того, христианские народы без зазрения совести скупали русских пленных, захваченных татарами во время их многочисленных набегов, и превращали их в рабов.

Тем не менее в 1480 г. татарское иго было, в конце концов, сброшено. Последующая экспансия в западном направлении заключалась большей частью в возвращении путем завоевания старых русских княжеств, которые ранее были захвачены Польшей, Литвой, Ливонией, Швецией и т.д., причем это делалось в ходе освободительных войн (а, следовательно, это были по существу своему оборонительные войны), которые в результате приводили к воссоединению с Московией большинства русских государств, аннексированных ранее западноевропейскими странами.

Экспансия Московии на юг и восток — особенно до Волги и за ее пределы, до Кавказа, Урала, Афганистана, Китая и Тихого океана носила гораздо более мирный характер. Московия вновь обрела Киевское княжество, самое древнее русское государство, главным образом, благодаря добровольному подчинению населения этого региона и его гетмана Богдана Хмельницкого. В своей безнадежной борьбе против преследования, грабежа и эксплуатации со стороны поляков и турок Киев видел свое единственное спасение в воссоединении с Московией. То, что последняя, в конечном счете, достигла Кавказа, объяснялось преимущественно добровольным подчинением России христианского кавказского королевства Грузия. Зажатая между могущественными тогда Турцией и Персией, Грузия целиком зависела от милости этих не-христианских держав. Как и в случае Киевского княжества, ее единственное спасение заключалось в том, чтобы стать русским протекторатом, — шаг, который был предпринят ее королем Гераклом II в 1783 г.

Другим методом мирной экспансии было вышеупомянутое постоянное проникновение крестьян, исследователей, торговцев и миссионеров в районы, либо населенные туземцами, либо вовсе не населенные. Таков был преобладающий характер русской экспансии в Азию, от Волги до Афганистана, Маньчжурии, Китая, Берингова Пролива и Аляски. Эти первопроходцы, как и первые поселенцы Америки, открывали, заселяли и осваивали новые регионы преимущественно без помощи военной силы государства, хотя отдельные военные отряды иногда прибывали после первоначального занятия новых земель.

Следующие примеры могут служить иллюстрацией этого течения. Значительная часть Сибири — огромная площадь, находящаяся между Пермской областью (на европейской стороне Уральских гор) и реками Иртыш и Tobол, а также китайской провинцией Синьцзян, была приобретена в 1587 г. частной группой первооткрывателей, насчитывавшей всего 840 человек. Район Сибири далее к востоку, между рекой Tobол и озером Байкал, рекой Лена и Иркутском, также был открыт первопроходцами. Только после того, как они построили срубы и создали торговые центры, в этот район был послан отряд в количестве 130 человек (в 1641 г.) для защиты его от нападений некоторых племен. Большинство же аборигенов добровольно согласилось на русский протекторат. Экспансия первооткрывателей на остальную часть Сибири, до Охотского моря и Тихого и Северного Ледовитого океанов, раскрывает аналогичную картину. Группа, основавшая форт Охотск,

состояла, всего из сорока четырех человек; экспедиция, достигшая Арктики и проделавшая замечательное путешествие от устья реки Колыма вокруг Берингова Пролива (в 1648 г.), насчитывала только двадцать пять человек. Аналогично группы, которые осваивали равнину реки Амур, Камчатку, Курильские и Алеутские острова, а также Аляску, представляли «обой лишь горстки людей».

Сходство с экспансией Соединенных Штатов, их распространением на обширную территорию Америки, очевидно. К чести первопроходцев обеих стран, следует заметить, что они быстро обращали дикий край в центры цивилизации, не только строя укрепления для самозащиты, но и создавая торговые центры, школы и церкви, регулярную почтовую службу, прокладывая дороги и т.д., тем самым преобразуя до тех пор пустынные площади в густо населенные сельскохозяйственные и промышленные районы. Например, в 1662 г. население восточной Сибири едва достигало 70 000 человек, в то время как к 1710 г. оно увеличилось до 250 000 человек.

Еще более примечателен тот факт, что с самого начала эти первопроходцы — а позднее и русское государство — обращались с местным населением гораздо лучше и более гуманно, чем обращались с туземцами покоренных колоний большинство других европейских колонистов. Главным бременем, которое накладывали на аборигенов Сибири, была дань в виде мехов. Они не истреблялись, не порабощались и не подвергались жестокому обращению. Более того, посредством обращения в христианство они не только приобретали равное положение с русскими в гражданском и политическом отношениях, но могли даже поступать на правительственную службу в качестве чиновников и вступать в браки с русскими. *Никогда не существовало какой бы то ни было расовой дискриминации,*

Для того, чтобы расширяться, или даже чтобы выжить, Россия должна была создавать сильное централизованное правительство, и фактически все классы неизбежно лишались значительной доли своей свободы, что, в конечном итоге, означало крепостничество. Но эти жертвы сугубо русского населения включали в себя *относительно мало лишений для местного населения колонизованных районов.*

4. Обе страны проявляют единство в разнообразии

Третьим существенным сходством между сравниваемыми странами является тот факт, что *и та, и другая представляет собой тигель, в котором плавятся различные расовые, этнические, национальные и культурные группы и народы.* В России этот сплав даже еще более разнообразен, чем в Соединенных Штатах. Тем более ста пятидесяти различных этнических групп, с различными языками, мирно сосуществуют бок о бок. Этот факт единства в разнообразии оказывает мощное влияние на психологию, культуру и общественную жизнь обеих стран. Он придает их умственному складу более широкий кругозор и делает их более восприимчивыми, чем народы, каждый из которых представляет собой одну единственную этническую группу. Этот факт придает этому сплаву народов, складу их ума и культуры большее разнообразие и богатство, чем проявляет какая-либо одна из составляющих его этнических групп, так как каждая из многочисленных национальностей и рас вносит свой особый вклад в общую культуру нации. Как мы увидим позже, Соединенные Штаты и Россия, особенно с середины девятнадцатого столетия, постепенно выросли, вероятно, более успешно, чем большинство Других европейских стран. Одной из причин был именно этот разнообразный состав их населения, с расовой, этнической и культурной точек зрения.

Это явление имеет еще одну ценность. Перед нами — объединенная страна, единство которой базируется не на этнической или расовой однородности ее населения, а на его разнообразии. Это такой тип социального организма, который в корне отличается от организации, состоящей из одной единственной однородной группы. Гитлер и многие другие уверяют нас, что только такое однородное общество,

составленное из одного народа, одной национальности, одной культуры, одной языковой группы, может обладать реальным единством и реальной ценностью. Пример Соединенных Штатов и России представляет собой прямое опровержение подобных утверждений. Эти две страны ясно показывают не только, что единство в разнообразии возможно, но и то, что такое единство может быть таким же крепким, созидательным и нерушимым, как и единство любого общественного органа, включающего в себя только одну расовую или этническую группу. Опыт Гитлера во время настоящей войны должен убедить его, что он ошибается. Он надеялся, что под его мощным натиском русский и американский плавильные котлы дадут трещину. В ожидании этого он принял политику, направленную на поддержание узкого эгоизма разных расовых и этнических групп в России и Америке, поощряя их сепаратизм, взаимные антагонизмы и их интересы исключительности. Объективным результатом была полная неудача: вместо распавшейся России он столкнулся со страной, объединенной как никогда ранее, причем все ее этнические группы героически сражались против захватчиков. Несколько в иной форме он испытал то же разочарование в отношении Соединенных Штатов. В обоих случаях «треснутый тигель» оказался неделимым, нерушимым единством, причем таким сплоченным и крепким, каким может быть только общество.

Этот факт имеет большее значение не только для настоящего, но и для будущего. Если единство нации возможно, только когда в нее входит лишь один народ или одна единственная этническая группа, все надежды на объединение человечества в будущем, на мировую федерацию, даже на союзы двух или более отдельных наций, основанные на подлинном равенстве и свободе, безоговорочно обречены. В этом случае возможен только союз «господствующего народа» с его поработанными подданными, связанный рами кровавого принуждения. Именно таковы идеология и политика гитлеровцев и их сторонников. Соединенные Штаты и Россия ярко демонстрируют полную ошибочность подобных теорий и практики. Они служат доказательством того, что возможно единство в разнообразии, базирующееся не на господстве главной группы и рабстве «низших» групп, а на подлинном равенстве. Ни в одной из этих двух стран не существует серьезной проблемы национальных или расовых меньшинств, сепаратизма, этнических или расовых антагонизмов. Все элементы мирно и гордо сожительствуют бок о бок, на равных основаниях, каждому предоставляются равные возможности для раскрытия своих творческих способностей, без какого бы то ни было деления на хозяев и рабов, господствующие и подчиненные Группы, высшие или низшие элементы. Конечно, какие-то следы неравенства остаются, поскольку великий социальный эксперимент еще не завершен. Однако это — *только пережитки*. Одним словом, обе страны представляют собой огромные лаборатории успешно проводимого социального эксперимента — создание единого общества из различных элементов, связанных воедино узами равенства и свободной солидарности. Более того, этот эксперимент показывает, что объединение человечества — или его большей части — поистине возможно, и этот эксперимент указывает самый надежный метод для достижения этой великой цели.

В том, что касается России, следует заметить, что этот эксперимент начался не с русской революции, а задолго до нее. В некотором смысле он ведет свое начало с возникновения первого русского княжества. Вместо того, чтобы иметь своим исходным моментом завоевание, он начинается с добровольного сбора скандинавских вождей для того, чтобы определить, как выполнять правительственные и особенно военную функции. Так установилась первая династия России, скандинава Рюрика. Русские племена добровольно отдавали привилегированные должности людям нерусской национальности. С этого времени высшие и правящие классы набирались из всех народностей и этнических групп, как внутренних, так и внешних. Аристократия и правящий класс Московского княжества были настоящим плавильным котлом. Самые аристократические семьи состояли не только из русских, но и из лиц нерусского происхождения. Это были выходцы из литовской династии

Гедиминов, как, например, Голицын и Трубецкой; изгнанники из Германии, как Толстой и Щербатов; люди финского и татарского происхождения, представленные Мешерским, Мордвиновым и Урусовым; люди кавказского происхождения, как, например, Черкасский и т.д. Некоторые из этих нерусских аристократов даже становились царями, как, например, Борис Годунов. Особенно достойна упоминания пропорция, которую составляли лица нерусского происхождения, принадлежащие к высшим классам, со времени Петра Великого и далее. Петр не жалел усилий, чтобы привлечь в Россию талантливых иностранцев, и, как и его преемники, раздавал им высшие посты и почести. При его преемниках шотландцы, французы, голландцы, итальянцы, грузины, поляки, литовцы, татары, монголы и особенно немцы были представителем в высших классах в таком соотношении, которое намного превосходило их долю в составе всего населения России.

В период между царствованием Петра Великого и правлением Александра I тевтоны буквально наводнили страну. Это, в конечном итоге, оказалось еще худшим источником угнетения, чем даже татарское иго. Клики из Курляндии, Брансуика из Гольштейна, состоящие преимущественно из глупых, алчных, жестоких элементов, ненавидящих русских, захватили даже русский трон. Цари и царицы этого периода (Екатерина I, Анна Ивановна, Петр III) имели в своих жилах мало романовской крови или не имели ее совсем, представляя преимущественно или исключительно третьестепенный тевтонский род. Эти клики захватили все руководящие посты в армии, флоте и правительстве (включая диктаторское положение Бирона, самого отвратительного правителя, которого когда-либо имела Россия). «Россия, — как писал один современный летописец, — была превращена в торговый центр воровской добычи». Бироны, Миннихи, Эстерманы, Левенфельцы и т.д., с легионами своих сторонников из Курляндии, Брансуика и Гольштейна, а также с еврейскими советниками типа Липмана вписывали одну из самых темных глав во всей истории России¹.

Набор правящего класса из самых разнообразных национальностей продолжался и продолжается по сей день. Потомки польской аристократии, — таких, как Радзивиллы и Чарторыские; так называемой украинской аристократии, как Кочубеи; лица грузинского, финского, французского, шотландского, еврейского и особенно немецкого происхождения, — все они продолжали пополнять свои ряды в таком процентном соотношении, которое далеко превосходило их долю в составе всего населения. То же самое можно сказать и о людях свободной профессии и других элементах среднего класса. Иными словами, не только население в целом, но особенно его высшие и средние классы представляли собой настоящий тигель для лиц русского и нерусского — в частности, тевтонского происхождения². Если какая-либо национальность и подвергалась дискриминации в своем представительстве в высших классах, так это определенно были великороссы, малороссы и белорусы, то есть именно те, кто были главными создателями российской империи и русской культуры. Даже теперь, после поглощения империей около 150—175 различных этнических групп, русские составляют приблизительно 77—80 процентов всего населениям

¹Вообще говоря, влияние на Россию германской нации, которая в иных отношениях является великой, было довольно отрицательным. Россия так и не получила от Германии своего Канта или Бетховена, Гете или Шиллера или других выдающихся творческих личностей. Вместо этого Германия поставила большей частью либо посредственные, либо жадные, либо жестокие элементы. В результате вклад обрусевших немцев в русскую культуру — ее литературу, музыку, скульптуру, живопись, драматургию, науку и философию, религию, право, политическое и военное руководство — был весьма скромным. Короче, за некоторыми исключениями, Россия извлекла из Германии преимущественно ее отбросы.

²Следующий инцидент хорошо иллюстрирует превосходство лиц германского происхождения. Когда царь Николай I спросил Ермолова, завоевателя, организатора и правителя Кавказа: «Какое вознаграждение хочешь ты за свои услуги?», Ермолов иронически ответил: «Ваше Величество, сделайте меня немцем!».

Увековечение этой исторической традиции видно на примере современного состава советского правительства. Его диктатор — грузин Сталин (Джугашвили); его «правая рука» — русский (Молотов); его следующим приближенным является еврей (Каганович). Затем следует множество других политических руководителей — настоящая смесь самых различных национальностей и этнических групп, в котором русская национальность (составляющая 80% всего населения) играет всего лишь скромную роль.

Таким образом, мы видим, что Россия всегда была настоящим тигелем переплавки разных этнических и расовых групп, что они все сотрудничали в этом единстве. В разнообразии, внося свою лепту в создание русской культуры и русского государства; что, наконец, вопреки широко распространенному, но ошибочному мнению, это единство не было основано на принудительном привилегированном господстве русской национальности над другими. Верно, что русская национальность была главным творцом русского государства и русской культуры. Но она несет на себе отпечаток труда и лишений, включая участие в военных действиях³. На ее долю выпала непропорционально большая степень потери крови, пота, тяжелого труда, лишения гражданских прав и даже крепостничество, в то время как она пользовалась сравнительно малой степенью вознаграждений и привилегий (см. главы 4, 5).

Я повторяю. Мнимое беспощадное господство русской национальности над другими этническими группами — это *чистый вымысел*. Я вполне отдаю себе отчет, что многим это утверждение может показаться неправдоподобным. Сразу возникает множество возражений: «А как насчет, скажем, к примеру, ограничения прав поляков? евреев? финнов? Разве не прайда, что они были лишены многих прав, которыми пользуется русская национальность?». Это суждение кажется достаточно правдоподобным и до сих пор использовалось для осуждения мнимого преследования нерусских элементов. Однако более тщательное исследование положения поляков, финнов или даже евреев в дореволюционной России приводит к совершенно иному выводу.

Начнем с Польши. Несколько веков ожесточенной борьбы между Польшей и Россией составили основу для их более поздних отношений, что оказало сильное влияние на их взаимоотношения в течение последних полутора столетия. Неудачный раздел Польши был не русским, а преимущественно европейским разделом, хотя Россия в нем участвовала и, следовательно, должна была нести свою долю вины. Весь вопрос принадлежит к сфере международных военных действий. Как таковой — это не вопрос о том, как к полякам относились как к гражданам России. Если мы обратимся к этому вопросу, то решающими факторами являются следующие. Несмотря на горькие исторические воспоминания и несмотря на тот факт, что Польша до этого воевала на стороне Наполеона во время *его* вторжения в Россию, когда Россия нанесла Наполеону поражение, царь Александр I, вопреки Меттерниху и другим европейским дипломатам, добился создания нового Королевства Польского, предоставив русской части Польши конституцию, парламентское самоуправление и право содержать свою армию, — *привилегии, большинством которых не пользовались граждане собственно России*. В своем письме от мая 1813 г. главе польского Сената графу Островскому Александр I писал: «Если великий интерес всеобщего мира (постскриптум: вследствие оппозиции Австрии и Пруссии не позволил создать союз всех поляков под одним скипетром, то я, по крайней мере, попытался) смягчить жесткость этого раздела и добиться для них везде максимум

³ Даже в настоящее время, хотя представительство русской национальности в советской политической аристократии непропорционально низко, ее доля в вооруженных силах непропорционально высока, ибо Красная Армия в подавляющем своем большинстве является русской по национальному составу, и более 90% ее генералов (Шапошников, Жуков, Ватутин, Воронов, Тимошенко и т.д.) и других офицеров являются русскими.

уважения их национальности». 21 июня в Варшаве было торжественно создано новое королевство, с Александром I в качестве короля Польши, наделенное вышеупомянутыми конституцией и гораздо большими привилегиями, чем те, которыми пользовались граждане особенно России. Несмотря на волну реакции, которая прокатилась по всей Европе, Польская конституция и ее парламентское самоуправление (включая неограниченную свободу слова и принятия решений) сохранились в течение многих лет.

Радикальный отход от этой великодушной, просвещенной политики был вызван восстанием польского дворянства в 1830 г. и особенно в 1863 г. Эти восстания, естественно, рассматривались как нарушение торжественного договора со стороны Польши, что тем самым освобождало русское правительство от его обязательства соблюдать конституцию и другие особые привилегии, которыми пользовалась Польша. Однако даже это изменение действовало в основе своей в ущерб дворянству, оказываясь довольно благотворным для крестьянства, которое нещадно эксплуатировалось дворянами. Эта политика привела к освобождению польских крепостных русским правительством — мера, которая осуществлялась в условиях, гораздо более благоприятных для поляков, чем для крепостных собственно России. После освобождения последние должны были выплачивать своим бывшим хозяевам большую сумму денег за полученную землю, в то время как польские крепостные были освобождены от такой компенсации. Более того, польским крестьянам разрешалось удерживать всю землю, которую они имели в условиях копигольда, в то время как крестьяне собственно России получали только часть такой земли.

После восстания 1863 г., как естественная реакция на него, были введены ограничения прав поляков, главным образом, в таких вопросах, как приобретение земли и владение ею, открытое отправление католических религиозных обрядов и обязательное изучение русского языка в качестве официального языка империи. Однако подобные ограничения не были особенно суровыми. Во всяком случае, они были мягче, чем обращение с подобными мятежными группами со стороны большинства других наций, как например, обращение с ирландскими мятежниками со стороны Великобритании, мятежниками Юга со стороны Соединенных Штатов сразу после Гражданской войны, а также обращение с поляками со стороны Австрии и Германии.

К концу девятнадцатого столетия и в начале двадцатого века большинство этих ограничений в правах были упразднены. В двадцатом веке поляки в России имели почти такой же статус, как и остальное русское население. Не только в Польше, но и на всей территории России поляки были на равных основаниях с русскими, занимая видное место в правительственной службе, во всех профессиях и на других высоких постах, а также внося заметный вклад в русскую культуру⁴.

Общий вывод из этого краткого обзора заключается в том, что если Россия не обращалась с поляками с идеальным благородством — особенно, когда после предоставления полякам конституции и различных других привилегий они оказались мятежниками — тем не менее, обращение с ними со стороны России в целом было таким же великодушным, как и обращение с такой же покоренной национальностью в аналогичных исторических условиях со стороны какой-либо другой державы, и, конечно, это обращение было более либеральным, чем обращение с подобными

⁴Например, во время моей учебы в Петербургском Университете там преподавали многие польские профессора. Некоторые из них, как, например, мой выдающийся учитель профессор Л. Пегжицкий (вероятно, самый видный теоретик права двадцатого века), известный классик Т. Зелинский и блестящий филолог Бодуэн де Куртенэ, занимали первостепенное место в своей профессии, писали все свои работы на русском языке и никогда не жаловались на какое бы то ни было несправедливое обращение. Довольно любопытно, что, по своему возвращении после 1917 г. а свою родную страну, они обнаружили, что их польские соотечественники им чужды и что их самих как ученых ценят гораздо меньше, чем это делала Россия.

группами со стороны многих западных держав. До восстаний 1830 и 1863 гг. поляки пользовались гораздо большими привилегиями, чем те права, которыми было наделено население собственно России. И, наконец, они имели тот же статус, что и сами русские⁵.

Весьма похожим — и еще более великодушным — было *обращение с Финляндией со стороны России вплоть до начала двадцатого века*. И здесь представление, которое преобладает за границей, совершенно ошибочно. Во-первых, Россия не лишила Финляндию независимости, ибо Финляндия никогда не была суверенной страной. Перед тем, как после русско-шведской войны 1808—1809 гг. Финляндия перешла к России, она находилась под господством Швеции. Между тем период истории Финляндии во власти Швеции был далеко не счастливым.

Во-вторых, когда в результате поражения Швеции Финляндия перешла к России, тот же царь Александр I, который позднее дал конституцию Польше, предоставил Финляндии возможность такого национального существования, которого она никогда не имела ранее. Финляндия стала великим княжеством и получила либеральную конституцию, причем русский царь стал великим князем. Финляндии было предоставлено практически полное самоуправление во всех своих внутренних делах⁶, причем она получила статус и другие различные привилегии, которыми не пользовалась остальная часть России. Она была освобождена от военной повинности, обязательной для остальной части российского населения. Кроме того, дороги, крепости, университеты, музеи и т.д. строились преимущественно за счет Российской империи. Этот период широкой внутренней автономии, с 1809 г. по начало двадцатого столетия был, безусловно, одним из самых ярких во всей истории Финляндии. В течение девятнадцатого столетия под главенством России в Финляндии происходило подлинное возрождение социальной, политической и культурной жизни⁷.

В-третьих, только в самом конце девятнадцатого и в начале двадцатого веков, после назначения Бобрикова личным представителем императора, были введены некоторые меры, имевшие тенденцию к некоторому ограничению свободы и привилегий Финляндии. Главным пунктом в этих «жестоких» мерах было требование русского правительства, чтобы финны служили в армии. Такое изменение политики было вызвано изменением условий, включая все большую беспомощность распадающегося старого режима в России. Но даже после ограничений Финляндия оставалась в гораздо более привилегированном положении, чем остальная часть России.

В-четвертых, с революцией 1917 г. правительство Керенского отменило все эти ограничения и пообещало полный суверенитет Финляндии. Это обещание было выполнено в течение последних трех лет, и с этого времени Финляндия была полностью не зависимой от России. Гражданская война, которая последовала за предоставлением суверенитета, была борьбой между коммунистической и антикоммунистической группировками, а не войной с Россией.

⁵ С сожалением следует добавить, что после восстановления Польши по окончании первой мировой войны обращение поляков со своими национальными меньшинствами — великороссами, малороссами и украинцами — было определено более жестким, чем обращение с поляками со стороны России даже в худший период русского «гнета». Судя по этому, участь поляков при русском режиме была весьма благоприятной.

⁶ Самоуправление было таким широким, что Финляндия стала надежным пристанищем русских революционеров: как только они бежали в Финляндию, они находились в безопасности от преследований царского правительства. Оно не нарушало автономии Финляндии даже в этих вопросах. Этим объясняется, почему Финляндия стала одним из центров деятельности русских революционеров.

⁷ Обо всем этом и о многом другом говорится в обращении министра иностранных дел Финляндии А. Хакцеля в Берлине в 1939 г., опубликованном под заголовком «Положение Финляндии» в известном немецком журнале «Ост-ойропа» за март—апрель 1939 г.

Этот краткий обзор русско-финских отношений показывает, что с Финляндией обращались гораздо более великодушно, чем с самим русским населением, и ей был придан статус, которому могла позавидовать остальная часть России.

Наконец, несколько слов об агрессии Советской России против Финляндии в 1939 г. Формально это был акт агрессии, хотя в действительности это было совсем иное. Ни Сталин, и никто другой не имели и мысли, что Финляндия как таковая может быть опасна для России. Но каждый сведущий человек знал, что, как зависимая страна, Финляндия стала своего рода подопечной территорией Великобритании, Соединенных Штатов, Германии и Швеции. В период 1920—1939 гг. Финляндия заняла такие большие суммы денег, что, в лучшем случае, требовалось много десятилетий, чтобы выплатить эти долги. Таким образом, она стала должником сомнительной платежеспособности, зависимой от правительств и капиталистов разных стран⁸. Важнее то, что с ростом практически диктаторской власти клики Маннергейма в Финляндии она стала простым военным придатком Германии, которая после прихода к власти Гитлера начала определенно готовить Финляндию в качестве базы для вторжения в Россию. Это не было секретом ни для Сталина, ни для кого-либо другого, кого это касалось. Финляндия как таковая не могла причинить никакого вреда России. Но Финляндия, используемая крупной державой в ее планах вторжения в Россию, с границей всего в двадцати милях от Ленинграда, была реальной угрозой для 180 миллионов русских. Ни один государственный деятель, ответственный за безопасность страны, не мог терпеть такого положения. Когда все мирные средства поправить дело не удалось, Россия была вынуждена начать превентивную войну. Таков был реальный характер так называемой агрессии — вывод, который недвусмысленно подтверждается последующим союзом Финляндии с Германией и их совместным вторжением в Россию.

В настоящее время Финляндия находится в самом трагическом положении благодаря своей группе Маннергейма—Рюта. С другой стороны, не нужно забывать, что только во время осады Ленинграда (германо-финскими войсками) погибло 1.500.000 человек, что составляет почти половину населения Финляндии. С любой поистине гуманитарной точки зрения, этот результат германо-финской агрессии широко компенсирует все «агрессии» России против Финляндии. Другим важным фактом является развитие империалистических appetitов режима Маннергейма—Рюта после первоначального успеха германо-финского вторжения в Россию, как о том свидетельствуют захват частей России, которые никогда не принадлежали Финляндии. А также обсуждение всерьез вопроса о «великой Финляндии», которая включала бы огромные территории России и даже районы Скандинавии, никогда ранее никаким образом не относящиеся к Финляндии.

Давайте обратимся теперь к щекотливому еврейскому вопросу. И здесь реальная ситуация совершенно отличается от той, которая рисуется за пределами России. Во-первых, преследование евреев — это не монополия России, а общераспространенное в мире явление, в известном смысле вообще и вечное, которое ведет свое начало с древнего Египта и древнего Рима и продолжается по сей день.

Во-вторых, до шестнадцатого века Россия была меньше виновата в этом грехе, чем Европа периода средневековья и периода Возрождения. До нынешнего столетия в ней исторически не было зафиксировано преследований русских евреев, в то время как по всей Европе в средние века и даже приблизительно вплоть до французской революции евреи подвергались жестоким преследованиям и резким ограничениям своих прав. Этим объясняется, почему в течение этих столетий они селились в таких огромных количествах в Польшу, Литву и Россию.

В-третьих, Россия позже последовала примеру Европы и вводила различные

⁸ «Честность» Финляндии, так высоко хваленая в Соединенных Штатах, в выплате процентов по американским займам — это такого рода честность, которая заключалась просто в выплате незначительной части денег, полученных от этой страны.

ограничения, которые то уменьшались (как, например, при Александре I и Александре II), то увеличивались (как во время правления Николая I и Александра III), что продолжалось до начала двадцатого века, причем некоторые ограничения сохранились вплоть до русской революции 1917 г. Лишение прав в основном заключалось в ограничении территории, на которой могли селиться евреи, причем для этой цели было выделено несколько западных провинций. В то же время все евреи с определенным уровнем образования и технической подготовкой, с определенным родом занятий или имеющие капитал, были вольны селиться, где им заблагорассудится. Этим объясняется, почему евреев можно найти в каждом городе России. Такие евреи фактически пользовались всеми правами, которые предоставлялись русским гражданам. Другие ограничения, как например, процентная норма (4% всего числа студентов), установленная для евреев при поступлении в институт или университет, а также некоторое ограничение прав собственности на землю (введенное для того, чтобы русские крестьяне не попадали в финансовую зависимость от евреев и не продавали свою землю евреям, а также торговым городским дельцам вообще), были действительным лишением прав, но оно не носило жестокий или бесчеловечный характер. Более того, эти ограничения в действительности были гораздо менее тягостными, чем это могло бы показаться из свода законов. Например, 4-х процентная норма, ограничивающая число евреев, поступающих в институты и университеты, превышала процентное соотношение еврейского населения в составе всего населения России (а именно, приблизительно 1,8—2%). Более того, реальное соотношение евреев среди коммерсантов, людей свободной профессии и правительственных чиновников значительно превосходило их долю в составе всего населения России. Их вклад в русскую культуру был гораздо более решающим и плодотворным, чем о том можно судить на основе формальных постановлений закона. То же самое можно сказать и о других ограничениях прав евреев. Такое дискриминационное законодательство, которое не пользовалось популярностью среди русского народа в целом, было в значительной степени мертвой буквой.

Другим смягчением вины России в этом вопросе является тот факт, что евреи официально подвергались дискриминации не по расовым или этническим причинам, а почти исключительно из *религиозных соображений*. Поэтому, как только еврей предпочитал стать христианином, он освобождался от всех ограничений и становился полноправным гражданином. Это — одна из причин, почему евреи могли играть такую видную роль в высших официальных кругах даже при таких самодержцах, как Николай I. Так, например, его министром финансов был граф Канкрин еврей, а в течение примерно двадцати лет (с конца девятнадцатого по начало двадцатого веков) армянский еврей по фамилии Делянов был министром просвещения России. Эти случаи отнюдь не были исключениями.

И снова следует отметить, что Россия никогда не проводила жестокую, хладнокровную, расчетливую политику полного истребления, которая была характерна не только для гитлеровских преследований, но идея угнетения евреев во многих других странах в прошлом и настоящем. Как уже говорилось, евреи никогда не подвергались дискриминации как расовая или этническая группа. (Так, например, смешанные браки между евреями и язычниками в России не были запрещены.) Этим объясняется тот любопытный факт, что большинство самых эффективных пропагандистов России всегда были прежними русскими евреями. Хотя они резко осуждали царский режим (часто с чрезмерной жесткостью), они питали самые теплые чувства по отношению к самой России.

Остается пресловутый вопрос погромов. Их действительное количество сильно преувеличено. То же можно сказать и о числе их жертв, которых в целом насчитывалось гораздо меньше, чем общее число жертв линчевания в Соединенных Штатах. Более того, они происходили только в начале нынешнего столетия, и ответственность за них несет лишь небольшая группировка правительственных и

полуправительственных бандитов. Подавляющее большинство русского населения энергично осуждало эти преступления и потому не несет вины за них.

Теперь мы можем вернуться к главному тезису этой главы — а именно, к рассмотрению России как «единства в разнообразии», как тигеля, как одного из немногих выдающихся экспериментов строительства туго сотканного общества из различных элементов без какого-либо четкого деления этих элементов на высшие и низшие, хозяев и рабов, привилегированных и лишенных прав. Вышеприведенный анализ доказывает, что, если не в идеальном, то в относительном смысле Россия, как и Соединенные Штаты, реализовала эти возможности. Дело революции в этой сфере было лишь продолжение и завершение этой неуываемой тенденции истории России. Исчезли, наконец, последние пережитки дискриминации — в юридическом и ином плане — в отношении евреев и других ста пятидесяти различных национальностей. Все они пользуются равными возможностями развития своих творческих способностей в плане своей особой культуры, языка и наклонностей; все они в этом поощряются. Все эти имеют свои школы и книги, опубликованные на своем родном языке. Хотя русский язык, как исторический язык России и преобладающей в ней национальности, является (как английский язык в нашей стране) общим средством выражения, это отнюдь не мешает употреблению ста пятидесяти других языков, на которых говорят в Советском Союзе.

Даже такая подробность, как официальная замена наименования «Россия» термином «Союз Советских Социалистических Республик» (напоминающим «Соединенные Штаты Америки»), а также многонациональный состав современного Советского правящего класса — это логическое развитие явлений, о котором идет речь. В этом, как и во многих других отношениях, Россия конструктивной фазы революции представляет собой увековечение (как мы увидим дальше) жизненно важных тенденций дореволюционной России.

Перевод с английского А. Пауль